

НЕДАВНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДАЗАЙН-АНАЛИЗЕ¹

М. БОСС

Этот текст представляет собой перевод статьи М.Босса, написанной им по следам бесед с Эриком Крейгом. Эрик Крейг выступил приглашенным редактором спецвыпуска журнала *The Humanistic Psychologist*, посвященного дазайн-анализу. В этом тексте М.Босс рассматривает ключевые категории философской феноменологии М. Хайдеггера, которая лежит в основе дазайн-аналитической психотерапии. Также М.Босс раскрывает некоторые основные понятия дазайн-анализа, которые ввел в психотерапию сам и считал важнейшими для нее — прежде всего, понятия возможности и свободы.

Ключевые слова: Бытие, дазайн-анализ, экзистенция, психотерапия, человеческая возможность, свобода.

Представленные ниже размышления о дазайн-анализе возникли спонтанно, как результат записанных на пленку личных бесед с редактором настоящего выпуска; речь в них шла о центральных проблемах, возникающих в ходе размышлений о сущности человеческой экзистенции² и психотерапии. Эти проблемы по большей части лежат в той области знания, которую на нефеноменологическом языке часто обозначают как «теория личности». Я считаю эту область, занимающую психологов, лежащей вне феноменологии, по двум причинам.

Первая причина состоит в том, что правильно понять особую природу человеческой экзистенции невозможно до тех пор, пока мы рассматриваем человека как «личность», своего рода монаду, обладающую сознанием и расположенную в мире феноменов, но по сути изолиро-

¹ Источник: Boss, M. (1988). Recent Considerations in Daseinanalysis. *Humanistic Psychologist*, 6(1), 58–74.

² Для передачи одного и того же английского термина «existence», в зависимости от контекста, используются русские слова «экзистенция» (когда речь идет о специфически человеческом характере и процессе существования) и «существование» (в общем, неспецифическом смысле). — *Прим. пер.*

ванную от этого мира. С феноменологической точки зрения, напротив, человек всегда находится в своем мире, да и вообще существует не иначе как *здесь-бытие* (Da-sein)³. В рамках этого взгляда любое представление, рассматривающее «личность» как отделенную от мира и ограниченную пределами кожи, противоречит одной из основных характеристик человеческой экзистенции. Человек, индивид есть мир, и он есть здесь, и он *является* этим неповторимым «здесь-бытием». Человеческая экзистенция всегда раскрывается как Бытие-в-мире, и она всегда есть лишь необъективируемая область открытости миру, в которой все, что должно быть, может сиять и раскрываться.

Вторая причина, по которой я так использую термин «теория личности», связана с его второй частью, со словом «теория». Феноменолог всегда стремится по мере возможности *избегать* теории ради того, чтобы быть более свободным в попытках приблизиться к самим феноменам, таким, какими они себя являют. Призывом феноменологов издавна, с тех пор, как его предложил Гуссерль, является «возвращение к самим вещам». Мартин Хайдеггер, ученик Гуссерля и основоположник дазайн-аналитики — анализа фундаментальных онтологических основ человеческого бытия — также поддержал этот призыв, пусть и совершенно иным образом. В любом случае, требование дазайн-анализа позволить феноменам «самим говорить за себя» является радикальным отказом от использования психологической теории в качестве средства для понимания человеческой экзистенции. Выполняя это требование, мы стремимся по возможности избегать формулировки заключений, гипотез и выводов о вещах; вместо этого мы стараемся позволять тому, что мы видим и слышим, представлять перед нами таким, каково оно есть.

Сделав эти уточнения, стоит заметить, что проблемы, о которых пойдет речь на следующих страницах, являются одними их самых затруднительных для всякого, кто выбирает серьезно и систематическим образом мыслить о природе человека. Несмотря на предпринятые усилия представить эти проблемы в настоящей статье в наиболее подходящей для них последовательности, сами по себе представленные ниже размышления возникли независимо друг от друга, и при чтении их следует иметь это в виду. Также стоит помнить, что эти размышления возникли

³ «Being-there» (здесь-бытие) и «Da-sein» (Присутствие) являются синонимами. Последнее в настоящем переводе пишется с большой буквы, чтобы отличить его от обыденного слова «присутствие» (presence). Здесь и далее в скобках в тексте сохранены немецкие термины, которые приводит М. Босс; соответствующие им английские термины для уточнения перевода приводятся в примечаниях. — *Прим. пер.*

в ходе личных бесед, и потому черты разговорного стиля будут проявляться в них время от времени. Исходной точкой размышлений является обсуждение хайдеггеровского понимания смысла Бытия в тех различных значениях этого термина, которые он сам использует. В следующей части обсуждается дазайн-аналитическое понимание психологического термина «психика»⁴, или «душа». Последние два размышления касаются, соответственно, смысла «возможности» и «свободы». В каждой из этих последних частей внимание уделено значению затронутых тем для практикующего психотерапевта.

О понимании Бытия Хайдеггером

В своем *magnum opus* «Бытие и время» Хайдеггер обратил внимание на то, что вся предшествующая ему философская традиция метафизики рассматривала лишь различные виды бытия, то есть «бытийность» сущих⁵, — например, бытие дерева или бытие пчелы, но всегда бытие *чего-то*, не задаваясь вопросом: «Что означает Бытие как таковое?» Эта традиционная постановка вопроса о бытийности всякой отдельной вещи была для Хайдеггера второстепенной, поскольку он поставил предшествующий этому и новый для философии вопрос: «Что мы вообще имеем в виду, когда говорим о Бытии?» или «Что есть “Бытийность как таковая”?».

Понятие «Бытийность как таковая» используется Хайдеггером, чтобы обратить внимание не на бытие чего-либо, но на чудо, которое состоит попросту в том, что что-либо вообще *есть*. Это совершенно новая проблематика. Она отсылает нас не к какой-либо конкретной вещи, но к факту, который состоит в том, что что-то есть. И тот факт, что нечто вообще существует, есть величайшее чудо, потому что взамен этого с таким же успехом могло бы не быть ничего. Но перед нами всегда появляется нечто. Мы постоянно встречаемся с чем-то, что являет себя нам. Чтобы понять, что Хайдеггер имел в виду под словами «Бытие как таковое», «Бытийность как таковая» или просто «Бытийность», нам следует мыслить это не в терминах бытия той или иной вещи, например, бытия стула, дерева, человека или пчелы, но лишь в связи с загадкой того, что нечто вообще есть. Этот вопрос беспокоил Хайдеггера всю жизнь и, можно сказать, измотал, состарил его: «Почему вообще есть нечто сущее, а не ничто?».

⁴ Используемый Боссом английский термин «mind» может быть в русском языке передан как словом «разум» (в философском контексте), так и словом «психика» (в психологическом контексте). — *Прим. пер.*

⁵ «Being-ness of beings». — *Прим. пер.*

Размышляя о «Бытийности как таковой» или просто «Бытийности», нам следует всегда понимать ее буквально, как сам *акт* или *событие* появления Бытия, сам его «выход на свет», высвечивание. «Бытийность» есть событие прихода к несокрытости, раскрытия, и этот переход-к-присутствию (An-wesen) всегда должен длиться до тех пор, пока что-либо вообще существует. Если бы эта фундаментальная высвечивающая «Бытийность» прекратилась, все немедленно исчезло бы, и больше не было бы ничего; мир бы исчез и ничего бы не осталось — не только конкретных сущих, но и бытия вообще.

Вопрос о значении Бытия как такового был столь важен для Хайдеггера, что он мучительно пытался решить, как следует писать слово, обозначающее «Бытийность» или «Бытийность как таковую». Иногда он использовал «Sein», старогерманское написание термина «Бытие», чтобы отличить введенное им значение Бытия-как-такового от слова «Sein», которое обыкновенно использовалось философами и отсылало к категории бытия или к бытию сущих («бытийность» с маленькой буквы). Иногда он писал слово «Sein» и затем перечеркивал его («~~Sein~~»), чтобы прояснить, что эта «Бытийность как таковая», это раскрытие не есть очередное сущее или разновидность сущих, но напротив, есть вообще не *что-то*, не вещь, а, по сути, Ничто. Однако это не нигилистическое Ничто, а его полная противоположность, это сущностно преисполненная «Ни-что-йность»⁶, которая делает возможным бытие чего-либо, предоставляя пространство⁷, в котором все вещи этого мира могут быть! И невозможно даже сказать, что «Бытийность» есть, поскольку тогда она выглядела бы одним из сущих, составляющих наш мир. Вместо этого, вам всегда следует понимать эту «Бытийность» как само по себе событие высвечивания и появления в открытости, разомкнутости человеческой экзистенции.

В дополнение к упомянутой «Бытийности как таковой» Хайдеггер говорил о «Seiendheit», или «бытийности» (с маленькой буквы), тем самым он имел в виду разновидность бытия, которой обладают конкретные вещи, или сущие. Так, например, «бытийность» есть у кресла и ею также обладаете вы, но ясно, что бытие кресла иного *рода*. Эта «бытий-ность» есть, следовательно, род бытия или специфическая, сущностная природа бытия, которой обладают все сущие, относя-

⁶ «No-thing-ness», как отсутствие вещей, не-вещ-ность. — *Прим. пер.*

⁷ «Clearing», как расширенное, свободное от чего-либо пространство; на протяжении статьи Босс использует «clearing» (пространство), «opening» (открытость) и «light» (просвет) как синонимы, соответствующие немецкому Lichtung. — *Прим. пер.*

щиеся к определенной категории. Так, говоря на совсем обыденном уровне, кресло состоит из дерева, а вы — из плоти; дерево и плоть — это различные формы бытия. Более того, и ближе к сути дела: всякое кресло обладает определенной сущностью, или «о-смысленностью»⁸, которая делает его креслом и является общей для всех кресел. Также и любому человеку присуще бытие определенного рода, общего для всех людей. Следовательно, сущие, относящиеся к каждой категории, воплощают собой определенный сущностный род бытия, определенное осмысленное строение, или сущность, которую Хайдеггер и называл «бытийностью».

Далее, есть целый мир отдельных сущих, то есть всех тех специфических конкретных вещей, которые являются нам в каждый момент нашего существования. Вот конкретное кресло, в котором сидите вы; вот конкретный стол, стоящий между нами. Я — конкретный человек, сидящий в этом кресле, а вы — конкретный человек, сидящий напротив. И немецкие термины «das Seiende» и «Seiendes», которые Хайдеггер рекомендует переводить как «сущее» и «конкретное сущее», обозначают эти весьма частные, конкретные случаи явления вещей или сущих. Другими словами, «сущее» или «конкретное сущее» отсылает нас к каждому из множества объектов, вещей или существ, в совокупности составляющих мир, с которым мы существуем, обнаруживаем себя.

И, конечно, знать и говорить обо всех этих значениях «Бытия» возможно лишь благодаря тому, что существует такой род сущего, как Присутствие (Da-sein), или человек. Потому что из всех существ⁹ лишь люди, насколько нам известно, обладают способностью выступать в качестве той открытости, в которой все остальное может являться и раскрывать себя. Присутствие необходимо для того, чтобы могло стать явным любое из приведенных выше значений Бытия. В этом, по сути, и состоит высшее призвание человека — служить той возможностью, благодаря которой Бытие может показывать себя, сиять и раскрываться. Если бы не было открытости Присутствия, была бы лишь тьма, и ничто и никогда не могло бы раскрываться в качестве осмысленной вещи, каковой оно является. Для того чтобы нечто могло показывать себя, являться, сиять или быть, необходима открытость, в которую оно могло бы входить. Этой открытостью является Присутствие. Без него не могло бы явиться ни одно конкретное сущее (Seiendes), ни какая-

⁸ «Meaning-fullness», смысло-наполненность, смысловая полнота. — *Прим. пер.*

⁹ Английское существительное «being» соответствует русским «сущее» и «существо» (одушевленное сущее). — *Прим. пер.*

либо разновидность сущих (Seiendheit), и уж конечно не «Бытий-ность как таковая» (Seyn или Sein). Поэтому Присутствие — пастух Бытия, та особая «единица» Бытия, которая позволяет всему остальному Бытию являться, раскрываться как то, что оно есть. И это сущностное призвание Присутствия, поскольку «Бытийности» требуется, чтобы человеческая экзистенция сохраняла открытость, благодаря которой то, что есть, могло бы продолжать быть.

Взаимозависимость Бытия и Присутствия составляет ядро хайдеггеровского открытия «Ereignis» (очень приблизительным переводом этого термина является «со-бытие»¹⁰), смысл которого состоит в том, что не только человеческая открытость необходима для того, чтобы нечто могло стать присутствующим или быть, но и, с другой стороны, самой открытости Присутствия необходимо Бытие, чтобы оно, Присутствие, могло быть. Другими словами, «просвет-человеческой-экзистенции» и «все-остальное-существующее» требуют друг друга и «взывают» друг к другу в едином, неделимом «со-бытии». Со-бытие — нераздельное единство зова Бытия, обращенного к Присутствию, и ответа Присутствия на этот зов. Без просвета человеческого бытия ни одно сущее не может быть, равно как и человеческая экзистенция невозможна без того, с чем она могла бы встречаться, раскрывая это. Присутствие — открытость, призванная служить той сферой, в которой нечто может раскрыться как при-сутствующее, то есть, как сущее, «пред-посланное»¹¹ или «посланное-в» Бытие (Anwesen)¹². И, в то же время, Бытие дает Присутствию его изначальный дом — в языке и в своем просвете. Хайдеггер считал Ereignis своим глубочайшим прозрением и, если вы задумаетесь об этом, вы увидите, что описанное взаимоотношение между Бытием и Присутствием не только, и, прежде всего, делает психотерапию возможной, но и сообщает ей ее основную задачу — *дать терапевтический ответ на призыв пациента к бытию*.

Важно понимать, что мы, люди, никогда не одиноки в этом призвании отвечать на зов Бытия. Мы всегда вместе с другими людьми, в

¹⁰ Англиское «e-vent» подчеркивает момент перехода, про-ис-хождения; русское «со-бытие» — момент встречи. Пожалуй, более адекватным переводом немецкого «Ereignis» на русский язык было бы «про-ис-шествие» или «о-существление». — *Прим. пер.*

¹¹ «Pre-sent», как обыгрывание слова «present» (от лат. pra- и esse): «присутствующее» (всегда *при* чем-то), «пре-бывающее», но и «пред-бывшее», т.к. латинская приставка pra- имеет и смысл предшествования во времени. — *Прим. пер.*

¹² «Anwesen» можно перевести как «переход к присутствию», «про-из-ведение вещи в ее присутствие». — *Прим. пер.*

физическом или в «умственном» смысле, и, таким образом, мы никогда не замкнуты, не изолированы в этом своем смиренном, но достойном призвании. Другие люди, обладающие таким же строением Бытия, что и мы, вместе-с-нами воздвигают этот мировой просвет, позволяя вещам мира являть себя из изначальной тьмы. И в этом состоит наше фундаментальное экзистенциальное единение. Конечно, мы существуем не *только* как «бытие-вместе-с-другими», поскольку каждый из нас в то же самое время является весьма уникальным, частным, конкретным человеком-индивидом. Другими словами, мы существуем тем способом, который Хайдеггер называет «Jemeinigkeit», что означает «мой-ность» или «само-стность»¹³. Тем самым Хайдеггер напоминает нам, что любая человеческая экзистенция, будучи фундаментально «вместе-с-другими», в то же время всегда «своя-собственная», самостоятельная. Всякое Присутствие есть экзистенция со своим собственным, конкретным и уникальным набором человеческих возможностей. Вы представляете собой весьма отдельный узел возможностей и способностей, которые в данный момент сходятся вот таким конкретным, особым образом. В мире нет больше никого, в точности похожего на вас, и эта уникальная конкретность *принадлежит* вам одному. Это ваша «мой-ность», ваша «само-стность», и больше ничья.

Опираясь на изложенные мысли о значении Бытия и Присутствия, мы видим, что дазайн-анализ может иметь более чем одно значение. Дазайн-анализ — это определенный способ понимания мира, способ видения и понимания сути мира, человека и их взаимосвязи друг с другом. Но сегодня дазайн-анализ обозначает также психотерапевтический подход, ставящий своей задачей высвобождение индивидов к тому, чтобы они могли реализовать свои наиболее-собственные возможности бытия-с вещами и с другими людьми. И хотя решением этой задачи освобождения индивидов от страдания и зажатости, мешающих им быть собой, озабочены все серьезные направления психотерапии, только дазайн-анализ обладает философским пониманием, которое позволяет распознать и обосновать эту задачу как цель и предназначение психотерапии. Только дазайн-анализ видит людей как ту самую свободу и открытость, которая может быть использована ими, чтобы призвать к свободе и открытости своих собратьев. Другими словами, только дазайн-анализ помогает нам понять, как возможна психотерапия вообще.

¹³ «Mine-ness», «own-self-ness» — существительные, образованные от «мое», «собственное». — *Прим. пер.*

О значении «психики», или «души»

Вопрос о сути человеческой природы был основной заботой философии и психологии с самого возникновения этих человеческих устремлений. В центре этого вопроса лежит проблема, представляющая собой ряд серьезных интеллектуальных вызовов для мыслителей — это проблема нематериальной, по своей основе, природы человеческой экзистенции. По сути, к этой проблеме нас приводит сама этимология слова «психология» (психо + логия: «психика, разум, душа» и «рассуждение, речь, размышление»), обозначающего «рассуждение о психике, или человеческой душе». Естественно, даэин-аналитики также озабочены основой человеческой экзистенции, которая обозначается как «психика», «душа» или «разум». В предшествующей статье содержится правомерно приписываемая мне цитата: «По существу, мы есть не что иное как “разум”», и недавно я даже опубликовал книгу под названием «О крыльях души». Но все эти метафизически звучащие термины, обозначающие основу человеческой экзистенции, и близко не подходят к решению задачи адекватного постижения той сущностной характеристики человеческого бытия, которую Хайдеггер пытался передать простым, но выразительным обозначением человеческой экзистенции как Присутствия, как бытия-здесь¹⁴, отсылая нас к тому факту, что «человек как существо-воспринимающее»¹⁵ простирается в мир, в свое *здесь*.

Фрейд, конечно, тоже испытывал трудности с передачей своего понимания нематериального основания человеческой экзистенции и, в конечном итоге, «призвал» для этой цели греческое слово «psyche», обозначающее душу (Seele, по-немецки). Фрейд ясно понимал, что основа человеческой экзистенции существенным образом связана с нематериальной природой человека, и пытался показать это различными способами. Так, время от времени он говорил о «духе» или «разуме» (Geist), о

¹⁴ «Being-the-there»: раскрывая этот термин, можно обнаружить у Хайдеггера три его смысла: 1) бытие-(где?)-здесь, в смысле присутствия в некотором месте; 2) бытие-(как?)-здесь, бытие в качестве пространства, открытости для самого себя (ср. у В.В. Библихина: «бытие моего вот»); и наконец, 3) бытие-(чем?)-здесь, как бытие тем пространством, просветом, которое бытие занимает, когда оно разворачивается (ср. у В.В. Библихина: «мое бытие в качестве вот»). (См. Polt, R. The Emergency of Being: on Heidegger's Contributions to Philosophy. Cornell University Press, 2006. P. 156). — *Прим. пер.*

¹⁵ «Human-being-as-perceivingness»: английское слово «being» означает и человека как существо, и специфически человеческий характер бытия, т.е., речь идет о том, что сущность человека неразрывно связана с процессом восприятия мира. — *Прим. пер.*

«духовном» или «нематериальном» (geistig), а иногда — о «душе» (Seele) и «душевном» (seelich); также он часто использовал термин «душевная жизнь» (Seelenleben). Пользуясь всеми этими терминами, он пытался описать «психическое», «духовное» или «нематериальное» основание сущностной природы человека, основу человеческой экзистенции, которая образована в основном сознанием и смыслом и которая до такой степени интересовала его как ученого и как врача.

Одна из трудностей, возникающих при рассмотрении этих проблем, состоит в склонности людей поддаваться привычке к использованию метафизических идей и понятий. Так, и Фрейд стал жертвой этой привычки, придумав такие термины как «психический аппарат» (Seelisher Apparat), «Оно» (das Es), «Я» (das Ich) и «Сверх-Я» (das Über-Ich). По сути, только на основе представления о психике как о живущем своей собственной жизнью психическом аппарате, Фрейд смог прийти к выводу о том, что психика не совпадает с сознанием и что существует широкое поле автономной и осмысленной психической деятельности, которое полностью остается вне нашего осознания. Другими словами, именно *метафизический характер мышления* Фрейда о разуме привел его к парадоксальной и весьма противоречивой идее о том, что человеческое «сознание» является в значительной мере неосознаваемым!

Итак, здесь встает вопрос о том, как мы можем понять сущность человека, а именно, понять то, что мы называем «психикой» или «душой», не становясь жертвой разного рода метафизической выдумки, которая преследовала и продолжает преследовать философов и психологов, включая такого великого мыслителя, как Фрейд.

Область открытости-миру

Прежде всего, нам следует признать заслугу Хайдеггера, который очень помог нам в решении этой задачи уже тем, что ввел термин «Присутствие» как «бытие-здесь» для обозначения и описания человеческой экзистенции. Потому что благодаря этому термину и на основе самого феномена человеческой восприимчивости становится ясно, что мы существуем *как* открытость и сияние, выступая в наш мир, а не просто как предмет (вещь), наряду с другими предметами (вещами). Хайдеггер описывал сущностную природу Присутствия как «пространство», «*область открытости (разомкнутости)*», или «*высвечивающую область*», тем самым прямо указывая на человеческую способность «давать пространство» вещам, «созерцать» или «осознавать» все, что есть. Однако Хайдеггер ни в коей мере не имел в виду, что эта «высвечивающая мир область» подобна хранилищу или аппарату, наполненному идеями и

образами, поскольку такая предметная метафора (Vorstellung) не позволяет охватить и понять принципиально сверхъестественную и притом вербальную сущность этой «области»¹⁶.

Область понимания. Немецкий термин «Bereich von Vernehmen», обозначающий нечто вроде «области распознавания» или «понимания» хорошо улавливает то, что действительно являет себя, когда мы рассматриваем такое наше поведение как «осознание». «Bereich von Vernehmen» указывает на «область восприятия и понимания». Корень этого слова, «nehmen» — глагол, который используется, к примеру, в ситуации заказа в ресторане: человек может сказать «Ich nehme einen safe», «Я возьму кофе». Но, говоря эту повседневную фразу, мы подразумеваем более, нежели простое действие взятия чего-то из рук официанта, куда более того. Ведь этой фразой мы уже указываем, что мы воспринимаем и понимаем, что такое кофе и как его можно применить; мы непосредственно понимаем, что можем принять кофе в нашу экзистенцию, вдыхая его аромат, пробуя его на вкус и наслаждаясь им, возможно, даже с надеждой, что это нас пробудит. Итак, мы видим, что физическое принятие (nehmen) чего-либо основывается на *психической способности к восприятию и пониманию (vernehmen) того, что это такое.* Те же самые смыслы можно найти и в английском, где слово «receive» (воспринимать) происходит от латинского корня «capere», что означает «хватать», в физическом смысле, в отличие от «capture», обозначающего умственное действие схватывания, понимания¹⁷. Итак, уже наш язык позволяет нам увидеть, что именно *наша психическая способность к пониманию чего-либо позволяет нам инициировать и осуществлять имеющиеся у нас возможности физического взаимодействия с вещами.* В настоящий момент вы понимаете, что вот эта вещь, стоящая перед нами — стол, и одновременно вы понимаете, что стол используется в качестве опоры для вещей, чтобы поддерживать или содержать нечто, делая содержимое более доступным нам для использования. И когда вы видите любой стол, вы отдаете себе отчет в том, что он имеет этот смысл, вы непосредственно, немедленно принимаете, схватываете эту его *осмысленность.* Вы, к примеру, не воспринимаете огромное собрание молекул, расположенных таким-то и таким-то образом, чтобы затем путем абстракции перейти к понятию стола. Напротив, как

¹⁶ Буквально «realm-ing», что обозначает как саму высвечивающую мир область (сферу, зону), так и активный процесс охватывания, включения мира в эту область. — Прим. пер.

¹⁷ Так и в русском языке, слово «понять» происходит от корня «-ять», «брать» — Прим. пер.

только вы видите стол, вы уже принимаете его в свою экзистенцию и понимаете ваше непосредственное отношение к нему. Только вслед за этим вы можете сознательно решать, как вы будете поступать с ним на физическом уровне. Таким образом, вы видите, что вы изначально представляете собой область осознания вещей, область принятия и понимания осмысленности всего, с чем вы встречаетесь¹⁸. И именно этот смысл мы пытаемся передать, пусть и не особенно успешно, словом «психика».

Область отзывчивости. Хайдеггер также использовал термин «Bereich von Ansprechbarkeit», указывая на то, что любой человек как существо обладает способностью, благодаря которой с ним можно говорить, обращаться к нему. «Ansprechbar» происходит от глагола «sprechen», означающего «говорить», и, таким образом, «ansprechen» означает способность отдавать себе отчет об обращениях определенного рода и отзываться на них. Итак, «Bereich von Ansprechbarkeit» означает «область отзывчивости», и, будучи такой областью, мы, естественно, обладаем способностью принимать обращенность к нам и понимать, что именно с нами говорит. Так, можно сказать, что красный свет светофора, когда мы его видим, «говорит нам», что нужно остановиться, или дорога, которую мы видим, «говорит нам», что мы можем передвигаться по ней и пойти в ту или в другую сторону, или молодое деревцо, когда мы его видим, «говорит нам», что здесь живет и растет нечто, что мы называем деревом. Другими словами, сигнал светофора «говорит нам» о своей «сигнальности», дорога — о своей «дорожности», дерево — о своей «древесности». Мы понимаем эти смыслы и отзываемся, отвечаем на них, во-первых, самим нашим актом понимания, и, во-вторых, соответствующим поведением или отношением. Таким образом, мы видим, что лишь, скажем так, «обладая психикой» или, более феноменологически, лишь благодаря тому, что мы существуем как *область отзывчивости*, мы можем распознавать то, с чем мы встречаемся, и устанавливать, осуществлять с этим некоторое отношение. Другими словами, факт, что вещи могут обращаться к нам, а мы — отвечать им, основан на том, что мы по своему складу являемся «Bereich von Ansprechbarkeit», *областью обращенности-к и отзывчивости*¹⁹.

¹⁸ Здесь я ссылаюсь на фундаментальную поддерживающую структуру, строение Присутствия как «понимания Бытия» (Seinsverständnis): имеется в виду факт существования Присутствия как существа, которое в своем бытии озабочено Бытием, то есть пониманием Бытия.

¹⁹ Буквально: «answer-ing-ness», областью, по своей сущности способной отвечать и отвечающей. — Прим. пер.

Область Эк-зистенции. Итак, всегда есть речь (die Sprache): мы ведем ее, «приветствуя» вещи, с которыми встречаемся, «говоря» с ними, отзываясь на них. Все это может происходить лишь постольку, поскольку мы существуем как область открытости и «просвета», область, называемая «психической». Но чтобы понять это, мы всегда должны отвергнуть любое представление об аппарате, который «репрезентирует» вещи внутри себя как некое записывающее образы и идеи устройство, будучи при этом отделенным от них и находясь на периферии мира самих вещей. Высвечивающая область Присутствия никоим образом не является предметной; она есть *осуществление*²⁰ человеческой способности к осознанию и пониманию. Итак, теперь мы видим, что люди существуют, главным образом, сущностно, как область миро-освещения, область понимания и отзывчивости, *пространство для установления отношений со всем, что есть*. Такое понимание человеческой экзистенции раскрывает нашу природу как существ, которые вы-ступают (ek-stasis)²¹ в свои миры и простираются в них так далеко, как простираются сами наши миры в пространстве и во времени — до самого дальнего уголка и до самой отдаленной вещи, которую мы только можем воспринять, вспомнить или представить себе. Другими словами, мы *присутствуем* вовне, в мире, и это бытие-здесь есть то, где мы есть и как мы есть, характер нашего существования. *Здесь* — это то, где мы есть. *Здесь* — это наша экзистенция. Здесь!

Хайдеггер и Индия: удивительное соответствие

На Западе мы называем человеческую область открытости-миру словом «психика»²². В Индии ее называют не словом «психика», а санскритским словом «атман», которое обозначает попросту «свет» или «область света»²³. И, в моем нынешнем понимании, индийский термин

²⁰ «Happening», «про-ис-хождение». — *Прим. пер.*

²¹ Хотя использование выражения «вы-ступает» может показаться читателю несколько странным, это вполне буквальный перевод термина «Ekstasis», который Хайдеггер использует в значении «распространения» Присутствия в мир. Он писал этот термин через дефис, «Ek-stasis», и также ввел термин «ek-sistenz», имеющий то же самое значение.

²² При переводе этого слова с санскрита на немецкий и английский термин «психика», «mind», обычно используется без пояснений, но переводчики всегда имеют в виду, что они жертвуют значениями соответствующего слова в санскрите, чтобы достичь хотя бы умеренной степени взаимного понимания.

²³ Следует отметить, что в ведическом санскрите слово «ātman» также обозначало дыхание (ср. нем. atem), душу, принцип жизни и ощущения, самость, индивида; приводимые М. Боссом значения являются более поздними. — *Прим. пер.*

«атман» может использоваться в качестве эквивалента, пусть и примерного, термину «Присутствие». Используя термин «атман», индусы следовали тому же самому прозрению в основу природы человеческой экзистенции, в силу которого Хайдеггер ввел термин «Присутствие». Интересно, что одно и то же фундаментальное понимание человеческой экзистенции, проникающее к самой сути Бытия, возникло и в древней Индии, и, много позже, в Шварцвальде. И индийские мудрецы, и Хайдеггер здесь, в Германии, распознали фундаментально открытый и высвечивающий характер человеческой экзистенции.

Удивительно, но соответствие между мыслью Хайдеггера и мыслью мудрецов Востока этим не ограничивается: к концу жизни Хайдеггера у них проявилось еще более глубокое сходство, связанное с соотношением между Присутствием, или атманом, и Бытийностью как таковой. Атман в течение многих веков понимался в Индии как свойство «Брахмана», коренного и универсального высвечивающего начала, благодаря которому все, включая атман, может выйти на свет, стать присутствующим, обрести бытие. Просвет человеческой экзистенции, или атман (Присутствие), таким образом, является лишь «частицей», очень маленькой частицей Брахмана. Как следствие, индусы всегда понимали, что свет атмана сам по себе требует предварительного раскрытия и засвечивания Брахмана. Учение о независимом, изначальном раскрытии Брахмана известно в Индии как доктрина «чит». Первоначально, в «Бытии и времени», Хайдеггер, в частности, говорил, что человеческая экзистенция, человеческое «здесь» является *единственной* открытостью или просветом (Lichtung), и что всякому иному Бытию, чтобы вообще быть, требуется это «пространство», предоставляемое Присутствием. Но впоследствии, много лет спустя, Хайдеггер пришел к пониманию того, что даже человеческому «здесь», человеческому пространству, понадобилось, чтобы начать быть, некоторое дочеловеческое пространство, открытость, просвет. И только тогда он понял, что этот дочеловеческий просвет, «просвечивающий (lichtende)²⁴ от самого основания», являлся самым основным предварительным условием Бытия. И в своем позднейшем учении Хайдеггер говорил, что для появления Присутствия была необходима еще более глубокая, более фундаментальная открытость. В конечном итоге, ничто, в том числе и Присутствие, не может прийти в бытие

²⁴ «Lichtende», «просвечивающее» — действие, соответствующее существительному «Lichtung», «просвет». Здесь Босс говорит о том, что дочеловеческий просвет или, в индийской традиции, Брахман, представляет собой первичное, изначальное событие открытия, просвечивания, которое стоит за всем, что *есть*, происходит до этого и за это, позволяя всему, что есть, быть. — *Прим. ред. 1-го изд.*

без возможности быть «при-сутствующим», без «пре(д)-бывания», без «про-явления», «про-из-ведения-в-бытие» где-то. Хайдеггер называет это «про-из-ведение-в-бытие» термином «*Anwesen*», и это слово используется также для обозначения расчищенного пространства, участка, на котором располагается крестьянское хозяйство. И даже из такого старомодного и простонародного употребления слова «*Anwesen*» видно, что не будь этого расчищенного пространства, ни дом крестьянина, ни все, что вокруг него, вообще не могли бы *прійти* к своему существованию. Таким образом, ничто и никогда не может появиться, если нет открытости, или пространства, *в которое* оно может по-явиться. Должна быть открытость и просвет, в который «*esse*», существующее²⁵, может войти и взойти к своему бытию. Для Присутствия такой открытостью и просветом является дочеловеческая открытость и просвет, называемая индусами Брахманом. То есть, в конечном итоге, мысль Хайдеггера совпала даже на столь глубинном уровне с индийской доктриной «чит»²⁶. И у позднего Хайдеггера, и у древних индусов мы теперь находим понимание того факта, что есть некоторая открытость и просвет, который служат пространством для сияния открытости и просвета человеческой экзистенции.

О значении человеческой возможности

В течение многих веков, начиная со средневековья и даже с древности, философы различали возможность, необходимость и действительность. Все эти три категории, включая и возможность, представляют собой разновидности Бытия. Так, в настоящий момент ваши возможности петь, пойти кататься на лыжах или погулять в лесу являются сущими, поскольку сущим является все, о чем вы можете сказать: «это *есть*». Все эти вещи здесь, в этой комнате, суть также сущие. Это кресло — сущее. Эта кушетка — сущее. Все, что *есть*, есть сущее. И также и всякая возможность является сущим.

²⁵ «Existent», хотя можно предположить, что Босс имеет в виду сущее. — *Прим. пер.*

²⁶ По мере того, как я размышлял о соотношении между мыслью Хайдеггера и индийских мудрецов, я все больше приходил к мысли о приблизительном, по меньшей мере, соответствии не только между Атманом и Присутствием, но и между Брахманом и Сеун («Бытий-ностью как таковой»). Хотя я никогда не спрашивал мнение Хайдеггера или индийских мудрецов об этом сходстве и имеет ли оно место вообще, лично мне, как единственному, можно сказать, живому мосту между этими двумя традициями, кажется, что это соответствие как минимум заслуживает рассмотрения.

В философии существуют различные подходы к пониманию возможности, однако в рамках дазайн-анализа и особенно дазайн-аналитической психотерапии нас в первую очередь интересует значение возможности как *потенции, способности*; это значение можно найти уже у Аристотеля. И в первую очередь нас, конечно, интересуют потенции, способности и возможности, образующие Присутствие, существо человека. Конечно, другие существа также обладают возможностями: к примеру, у животного есть возможность питаться или бегать по полю, а у дерева есть возможность расти, болеть и умирать. Но дерево, скорее всего, неспособно понять, что у него есть эти возможности. Насколько мы знаем, такой способностью наделены только люди.

Поскольку, мы, люди, существуем как бытие, постигающее Бытие, мы обладаем свободой в той степени, в какой ей не обладает никакой другой род бытия. В силу нашей миро-освещающей сущности, мы не только позволяем вещам сиять и становиться тем, что они есть, но мы также и выбираем отношение к тому, что себя являет. Будучи воспринимающими и понимающими существами, мы наделены возможностью выбирать, как мы отнесемся к тому, что нам встречается: мы можем этому уделить внимание или проигнорировать его, принять его или отвергнуть, приблизиться к нему или отойти, любить его или бояться. Все это различные возможности отнести к тому, что являет себя в просвете Присутствия. Итак, можно сказать, что вся наша экзистенция состоит из возможностей, что мы существуем как *узел возможностей* относиться к миру различными способами.

Конечно, не все наши возможности могут осуществляться одновременно. В любой момент времени мы можем осуществлять только одно определенное их сочетание, оставляя все остальные возможности в состоянии ожидания, неисполненными. Поэтому нам приходится постоянно решать, какие из наших возможностей мы осуществим, каким из них мы позволим себя увлечь. Так, скажем, в данный момент вы не можете обсуждать со мной дазайн-анализ и одновременно петь в опере. Конечно, я не знаю, можете ли вы спеть хоть одну ноту, но если даже и нет, у вас все равно сохраняется возможность пойти в оперный зал и попробовать. Важно здесь то, что только *вы* отвечаете за выбор между всеми вашими возможностями, и эта ответственность остается за вами как сейчас, так и в любой другой момент вашего существования.

Говоря о возможностях, я постарался *не* подсказать вам идею о том, что одни возможности «реалистичны» или «актуальны», а другие — нет, поскольку, как я говорил, всякая возможность, будучи сущим, является

«реальной», или «актуальной». Эти слова могут вводить нас в заблуждение, поскольку иногда они позволяют нам полагать, что одни возможности менее реальны или менее актуальны, чем другие. Поэтому я предпочитаю говорить, что *Присутствие существует как целостный набор возможностей бытия в мире, и в любой момент времени оно может «осуществлять» только одну из них, в то время как все другие остаются просто «неисполненными».*

С пониманием человека как *набора возможностей воспринимать мир и устанавливая с ним отношения*, связана постоянная забота практикующего психотерапевта. Терапевт понимает, что у пациентов есть выбор относительно того, какие из своих возможностей они будут осуществлять, а какие — оставлять в ожидании. Он также понимает, что *пациенты сами ответственны за выбор* того, какие из своих возможностей они будут осуществлять, а какие оставят нетронутыми. И, конечно, именно здесь лежит точка, в которой дизайн-аналитический вопрос, «Почему бы и нет?»²⁷, приобретает свое значение для психотерапии. Этот вопрос служит в первую очередь приглашением для пациентов к тому, чтобы рассмотреть более широкий круг возможностей своей собственной экзистенции и принять на себя ответственность за выбор того, какие из этих возможностей они будут осуществлять — не только здесь и сейчас, но и в каждый момент времени, который лежит перед ним в их будущем.

О значении свободы в дизайн-анализе

Мы подошли к последнему из наших размышлений: о значении свободы в дизайн-анализе. Обычно мы мыслим свободу в терминах свободы воли индивида (*Willensfreiheit*). Под этим мы имеем в виду попросту способность человека выбирать между одной вещью и другой. Например, в данный момент вы выбираете уделять внимание нашему разговору о дизайн-анализе, а не глядеть на пейзаж, который открывается за окном. Чуть раньше вы выбрали прийти сюда и вести себя так, чтобы пребывать со мной в диалоге, вместо того чтобы пойти гулять или петь в опере. Но для того чтобы делать выбор такого рода, вы, прежде всего, должны уже «обладать»²⁸ еще более фундаментальной свободой, и

²⁷ Здесь можно привести шутку М. Босса: Чем отличается дизайн-анализ от психоанализа? — Психоанализ все время спрашивает «Почему?», в то время как дизайн-анализ спрашивает «А почему бы нет?» — Прим. пер.

²⁸ Я помещаю это слово, «обладать», в скобки, поскольку в действительности мы не обладаем этими фундаментальными характеристиками, но существуем в качестве таковых. Слишком легко совершить ошибку и подумать, что изначально

такой свободой является ваша фундаментальная открытость (*Lichtung*), присущая человеку.

Очевидно, свобода выбора возможна лишь в том случае, если вам предварительно открылось, явило себя некоторое количество вещей или сущих, а также человеческих возможностей относиться к этим сущим. Если в любой конкретный момент времени вам не является ничего или является лишь одна вещь, вы не можете задействовать способность к выбору. Вам всегда должно открыться некоторое множество вещей, прежде чем вы сможете использовать свою свободу воли, чтобы сделать между ними выбор.

Таким образом, изначальной основой свободы является открытость человеческой экзистенции, и только при условии этой *свободы как открытости-миру* вы можете осуществлять свою *свободу воли*, выбирая быть озабоченным той или иной вещью, например, дазайн-анализом или же мотивом оперы. И точно так же, лишь на основе этой первоначальной открытости, вы можете выбирать, *как* вы отнесетесь к избранной вами заботе: например, вы можете подумать о дазайн-анализе самостоятельно или поговорить о нем со мной, послушать оперу в записи или самостоятельно спеть арию. Итак, в любой ситуации, в любой момент времени перед нами может открываться множество вещей и множество возможностей осуществлять различные отношения к этим вещам, и все это оказывается возможным благодаря тому, что мы изначально существуем как открытая область восприятия и понимания. И это основная предпосылка свободы, наиболее важный «факт» в связи с ней, который дазайн-анализ раскрывает нам, отвечая на вопрос: «Почему вообще существует свобода?»

Конечно, сама по себе свобода воли индивида уже является очень важной особенностью человеческой экзистенции. Это удивительный дар — быть способным, благодаря нашей фундаментальной открытости, выбирать, во-первых, из множества вещей, с *чем* мы будем взаимодействовать и, во-вторых, из множества доступных человеку возможностей, *какое* именно отношение, поведение мы будем осуществлять. Но в дазайн-анализе мы никогда не требуем от наших пациентов просто «задействовать» свою свободную волю, как если бы это была некая самостоятельная сила «внутри» них. Напротив, дазайн-анализ рас-

существующее. Присутствие впоследствии «присваивает» свои основные черты (экзистенциалии). В санскрите и хинди вообще нет слова для обозначения идеи обладания! Если вы что-то купили в Индии, вы не можете сказать, что обладаете этим, но говорите, что вы *рядом с этим*. Невозможно сказать «это принадлежит мне», а только лишь «я рядом с этим» (просто так произошло).

крывает нам свободную волю как «чистую» способность к выбору, как определенный присвоенный человеком образ действия, к которому каждый отдельный пациент открыт и готов в любой момент своей жизни. Освобождение не означает, что пациенты должны предпринимать усилия с целью обнаружить так называемую «собственную силу воли»; это означает возрастание пациентов в их готовности овладеть свободой восприятия, понимания и отзывчивости, которая уже «принадлежит» им и «принадлежала» им изначально.

Несмотря на эту удивительную способность к свободе, которой все мы, люди, обладаем, следует также сказать, что мы определенно *не* способны к какой-либо абсолютной свободе. Мы не свободны воспринимать и делать *что угодно*, чего бы мы ни пожелали в тот или иной момент нашей жизни, и постоянно следовать собственным капризам. Такая абсолютная свобода никогда не лежала в кругу доступных человеку возможностей, поскольку наша свобода, как и наша экзистенция, всегда конечна, всегда ограничена и о-пределена — не только особенностями самой по себе природы человеческой экзистенции, но также и собственным, присущим каждому из нас индивидуальным сочетанием способностей и ограничений, равно как и теми разнообразными материальными, социальными, политическими и экономическими обстоятельствами, которые воздействуют на нас в любой момент нашей жизни. Другими словами, мы всегда, и притом одновременно, и свободны, и несвободны. Однако, помимо этой *фундаментальной несвободы* человека — всеобщего, экзистенциального ограничения, — способность к свободе дополнительно ограничена и ослаблена у людей, страдающих невротами. Их *невротическая несвобода* всегда говорит о депривации, нехватке того, что необходимо человеку для полной и аутентичной экзистенции, и именно эта нехватка становится главной заботой терапии или анализа. Ведь основной целью психотерапии, что по сути признавал и сам Фрейд, является освобождение людей от сковывающих их ненужных ограничений, от их невротической неспособности воспринимать обращенное к ним разнообразие феноменов и рассматривать множество благотворных и соответствующих этим феноменам возможностей ответа на них, отношения к ним.

И здесь можно задать вопрос: «Если Присутствие является изначально свободным и открытым, если оно начинает существовать уже с заложенной в него способностью к совершению выбора, то как получается, что люди могут становиться до такой степени несвободными, невротически ослабленными и ограниченными?» Ответ на этот вопрос простой: никто, даже самые удачливые из нас, не встречается с миром,

который постоянно оберегал бы фундаментальную открытость и свободу человеческой экзистенции. На людей с тяжелыми невротами особенно сильно повлияли их родители, друзья, учителя или другие люди, которые постоянно указывали им, что им следует и чего не следует делать или говорить. С самого раннего детства эти люди постоянно слышали: «Так тебе нельзя делать» или «Это тебе нельзя трогать». В раннем детстве люди особенно хрупки и ранимы, они еще не обладают достаточной силой и жизненным опытом, чтобы самим судить о том, что хорошо и что плохо, что уместно и что неуместно, что опасно и что безопасно, и потому их свобода легко подвержена влиянию взрослых из их окружения. Поэтому в детстве мы легко можем «пасть жертвой» воли других людей, следуя им, принимая их собственные запреты и выполняя их предписания, как если бы их мнения и убеждения были нашими собственными. Обсуждая эту проблему, Хайдеггер говорил, что человек подвержен поглощению «Они», «людьми» (das Man), и может пасть жертвой желаний и привычек других, утрачивая тем самым свободу быть аутентично, быть самим собой. Фрейд, в *сущности*, очень близко подошел к тому же самому открытию, написав, к примеру, следующее: «Маленькое живое существо ничтожно и бессильно перед лицом могущественного внешнего мира, полного деструктивных (т.е. репрессивных, подавляющих — М.Б.) сил. Примитивное существо... становится *жертвой* всех этих “травм”» (курсив мой — М.Б.). Итак, мы видим, что Фрейд и Хайдеггер, пусть и стоя на очень разных философских основаниях, признают одну и ту же основную истину: человек может очень легко потерять из виду свою собственную изначальную свободу и открытость, став жертвой суждений и взглядов других людей.

Конечно, этот невротический паттерн депривации — лишь один из многих путей утраты людьми своей изначальной открытости и свободы. Такая депривация может возникнуть и в результате несчастных случаев или болезней: к примеру, ее можно наблюдать при поражениях мозга. Но вне зависимости от того, как эта депривация возникает, мы можем сказать, что изначально Присутствие свободно рассматривать свои возможности и распоряжаться (verfügen) ими, и только лишь в результате встречи с лишениями в виде соответствующих условий или обстоятельств оно утрачивает способность использовать свою изначальную открытость и свободу распоряжаться своими возможностями своим же, аутентичным образом.

Поэтому у психотерапии есть лишь одна цель: вернуть невротически ущемленным мужчинам и женщинам их изначальную открытость и свободу, дать им то, что уже «принадлежало» им — свободу распоряжаться

возможностями их собственной экзистенции тем способом, который согласуется с их собственными ощущениями, суждениями и дарованиями. И именно такая свобода распоряжаться своими собственными возможностями бытия в мире, осуществлять их, называется в дазайн-анализе здоровой. Конечно, мы имеем право называть ее «здоровой» лишь потому, что она соответствует изначальной сути человеческой экзистенции — Бытию, которое служит открытой и свободной областью восприятия и отвечающего тому, что являет себя в пространстве индивидуальной экзистенции. Нездоровье есть не что иное как депривация, преграда, ослабление или зажатие этой изначальной открытости и свободы. Конечно, задача вернуть пациенту его собственную изначальную открытость и свободу не решается быстро и легко. В зависимости от продолжительности, степени и глубины «травмированности» или депривации, восстановление свободы может занять долгое время и потребовать многих часов очень напряженной работы. Но это можно увидеть и на физическом уровне: например, люди с ужасными ожогами ранены таким образом, что им требуется очень много времени, чтобы выздороветь. Этим людям, на телесном уровне, приходится «работать» на восстановление своих физических способностей двадцать четыре часа в сутки на протяжении многих месяцев или даже лет. Так же дело обстоит и с психотерапией: чем глубже рана, депривация, тем более долгая и трудная работа потребуется, чтобы восстановить в человеке то, что уже принадлежало ему изначальное, то есть его полную способность к открытости и свободе, способность свободно распоряжаться своими уникальными и аутентичными возможностями бытия в мире, осуществлять их.

Краткое послесловие

Теперь, рассматривая четыре проблемы, о которых шла речь выше, читателю должно быть очевидно, что на практике дазайн-аналитическая психотерапия имеет много общего с тем, как сам Фрейд выстраивал терапевтическую ситуацию. Однако, насколько мне известно, дазайн-анализ — единственное направление в психотерапии, которое имеет адекватные философские основания для понимания как феноменов, возникающих в ходе терапии, так и ее фундаментального смысла и даже условий ее возможности. Хотя многие направления психотерапии объявляют, вслед за Фрейдом, раскрытие и освобождение человека своей задачей, весьма немногие из этих подходов, включая и подход самого Фрейда, адекватно опознают фундаментальный смысл истины и свободы, на котором основывается эта терапевтическая цель. В дей-

ствительности, большинству психотерапевтических теорий не хватает основы для понимания существенной, о-смысленной природы той самой человеческой экзистенции, которая их столь заботит. Дазайн-анализ предлагает современному терапевту не очередной модный набор оригинальных терапевтических приемов, а по праву заявляет, что дает ему содержательное и философски обоснованное понимание самых оснований терапевтической работы; то есть понимание сущностной, о-смысленной структуры человеческой экзистенции — ее характера и предназначения, ее здоровья и болезни, ее свободы и возможностей, а также понимание существенной природы и направления психотерапии как уникальной формы человеческого бытия-вместе.

Перевод: Е. Осин

Recent considerations in Daseinanalysis

Boss M.

This text presents translation of M.Boss article written by him in the wake of conversation with Eric Craig. Eric Craig has acted as the invited editor of special issue of “The Humanistic Psychologist” journal devoted to the Daseinanalysis. In this text M.Boss considers key categories of philosophical phenomenology of M.Heidegger which underlies dasein-analytical psychotherapy. Also M.Boss opens some basic concepts of the Daseinanalysis which has entered into psychotherapy itself and considered as major for it — first of all, concept of possibility and freedom.

Key-words: Being, the Daseinanalysis, existence, psychotherapy, human possibility, freedom.